

С Е М Ь Я

Откуда шли?.. куда пришли?..
слепой там пел псалом?..
в грязи, усталые, в пыли,
куда зашли?..
Виденье плавает у глаз:
гвоздями
 ржавыми прибит
один – к фанере,
 тот – поломан –
аккуратно сшит
из черепицы – это раз,
два – из обломков каменных плит,
три – из воздуха (тот, да не тот),
из целого дерева..
 гранит? –
нет, Б-же его сохрани,
ему не подходит гранит,
и ангел, сделанный из пустот –
подтвердит...
И вот – немая толпа предстоит
как свидетель перед судом
и как – вещественное доказательство
(там кто-то отводит глаза?..).

Из запечатанной печатью Соломона
непрозрачной бутылки вышел дым...
и ушёл во тьму веков – назад, на зады,
а к нам идёт покорная толпа... колона,
богатая породистыми лицами,
и отягчённая “хвостом”.
Там все ни мало не стесняются гордиться
таким богатством, и таким отчаяньем,
а более всего – началом,
началом, облечённым в толстый том...

Там на картине много шляп и лиц...
и печь напоминает шляпу. Там нет живых.
Там имитируют живое мертвецы,
там всё на вырост и на выход,
там – и даже печь – из дыма,
там из дыма делают венцы,
и вереницы тамошних – изыди! –
изымают, жизнь добывают там
из памяти предметов... Маета.
И там с расстрелянной иконы
Божьей Матери (иконы?),
там смотрит глаз –
живой – из-под косынки,
из-под пробитой пулями каски,
из облака, из-под кровавой повязки...
там лица ангелов и предков
с картин, дагерротипов и портретов,
и старо-новых и старинных,
из чудом сохранившихся газет –
они зовут...
И мы уже не Там, а Тут,
где много масок и досок и глины,
и всякой неприметной паутины
планов и перемен – тут
мастерская...

А-а... вот – есть живые. Двое
странно околпаченных
(а прочих – целая толпа),
чьи головы замотаны
(похоже – простынями... один, кажется, воет):
чтоб остаться в живых – не глядеть, не слушать,
забыть... как по нотам...
В тесном коконе душном
стать зрячим хотя бы на миг,
миг, короткий как смерть, как вскрик,
и тогда-а.....
Боже.

Даль,
непроглядная даль...
как могила...
Да было-то, было... что – было?

Они добрели в Египет – голод гнал, тень манила –
там рабствовали и жили, но не оседали.
И вот, лет спустя, по велению манускрипта
снялись с места и двинулись далее,
за ними тянулись предки, всё бежало вон из Египта.
Б-г им дал Моисея, чтоб слушали Глас,
и сам проводил в Ханаан... там дал Иисуса.
И реку перейдя, они ворвались в город, всех убили
(одну Рахав – блудницу – пощадили...
растормошить начала – сладок корень). Там – осели,
но поспешали всё вперёд, и земли – Те – отвоевали.
Так и шли, и шли, и шли – исход не иссяк,
вызревал внутри и снаружи.
Нападал на них всяк,
клеветал на них всяк,
и внутри синагоги всё хуже
становились дела.
Они грешили и убивали своих, как враги,
и пепел седой и зола одевали их очаги.
Они утратили Б-га, не понимали –
за что?.. почему?.. говори...
И сказал им во гневе:
и с юга, и отовсюду, и с севера
приидут на вас цари, истопчут ваши посевы...
Тогда рассею
по всей огромной земле,
ибо уши ваши не внемлют.
О Б-г... и Его приговор таков,
и пошли, и брели в лабиринте веков...
Подымались дымы от костров,
потом подымались из труб, из трубы –
Барух-ата-Адонай... это – было.

А тут, в мастерской – всё осталось, застыло...
устало, осело... добавилось с тыла.
Задумчивый Ангел в зелёном – крылья
пристёгнуты к поясу... Б-г, весь – порыв,
весь – навстречу, весь Богоцитата –
Его уже видели... кто-то... когда-то...

